

он вездесущ и могуч, по желанию он может превращаться в ясного сокола, в лютого зверя-волка и других животных. Его жертвы не могут ускользнуть от него. Счастье сопровождает героя. Он связан с силами ночи, угрожает самому солнцу, следы его запятнаны кровью, вампиры теснятся у его жилища. Но слава и страдания все время чередуются в его жизни. Из охотника он превращается в животное, из преследователя в жертву и наоборот.¹³ Позднее эта традиционная тема общеславянского устного народного творчества была прикреплена к конкретным историческим лицам. В Сербии этот миф был связан с именем одного из последних представителей династии Бранковичей — Вуком Гругровичем, деспотом, и князем Расчинским, который был наиболее выдающимся борцом с турками в период от падения Сербии в 1459 г. до своей смерти, последовавшей в 1485 г. В России древний миф об оборотне сросся с полоцким князем Всеславом Брючиславичем, храбрые и романтические приключения которого зажигали фанатизм современников.¹⁴

Р. Якобсон и М. Шефтель высказали предположение, что в дохристианское время у славян, возможно, существовал культ волка.¹⁵ Как известно, Геродот сообщал о том, что у невров, которые были одними из возможных предков славян, существовало предание о волках, в которых превращались невры.¹⁶ Вероятно, здесь имели место обычные тотемические представления, характерные для всех народов на ранних этапах развития.

Каждый из трех источников берет не всю легенду целиком, а ее отдельные части. «Повесть временных лет» сокращает «волковый» элемент, «Слово» опускает детство своего героя, а былина отбрасывает трагизм Всеслава, хорошо показанный в «Слове».

Р. Якобсон и М. Шефтель предполагают, что в древности существовал целый эпический цикл о полоцких князьях.¹⁷ Отголосками этого цикла является летописный рассказ о сватовстве Владимира к Рогнеде.¹⁸ Эти эпические песни были, видимо, известны автору «Слова». Так, князя-изгоя Олега автор называет «Гориславичем», по имени его прабабки Рогнеды Гориславны.

*

Таким образом, можно думать, что Р. Якобсону, М. Шефтелю и Р. Ружичичу удалось выявить источники, которые были использованы автором «Слова» для создания чрезвычайно яркого и сложного образа полоцкого князя.

Необходимо выяснить еще один весьма важный вопрос: почему автор, живший в XII в., использовал образ, многие черты которого тянули к представлениям дохристианской эпохи? Если широкое распространение легенды о князе-оборотне, князе-волхе было вполне естественно для дохристианского времени, когда князь действительно мог исполнять функции жреца,¹⁹ то для конца XII в. такой образ находился в решительном противоречии с представлениями православной церкви и христианско-феодалного искусства.

¹³ Там же, стр. 68—69.

¹⁴ R. Jakobson and C. Ružičić, стр. 343—344.

¹⁵ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 68.

¹⁶ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1890 (далее: Геродот), стр. 40—41.

¹⁷ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 77.

¹⁸ Повесть временных лет, ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 54; ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стлб. 299—300.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, т. 1. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 11. М.—Л., 1949, стр. 43—50.